

DOI: 10.46698/VNC.2024.24.17.006

ФИЛОСОФИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО БЫТИЯ В ОСМЫСЛЕНИИ ОСЕТИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 60-80-Х ГГ. XX В.

Рима Японовна Фидарова, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, отдел фольклора и литературы, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева – филиал Федерального научного центра «Владикавказский научный центр РАН» (Владикавказ, Россия); <https://orcid.org/0000-0002-0996-3896>; rfidarova@mail.ru

Наиболее фундаментальной категорией в философском и художественно-культурном сознании осетин и их предков была и остается категория этнонационального бытия. В осетинской традиции философствования еще с эпохи первобытности закрепилось понимание бытия как феномена, находящегося в постоянно эволюционирующем процессе движения, становления. И, разумеется, художественно-культурное сознание осетин и их предков отразило и само бытие этноса-народа-нации, и процесс его постоянного, стабильно повторяющегося движения и становления. Мысли о зарождении бытия проявились еще в нартском эпосе, в частности, в сказании о том, как произошли нарты. Так, впервые в эпосе художественное воплощение получили идеи осетин и их предков о бытии, о существовании человека и мира. Словом, таким образом, мысли о бытии из абстракции превратились в художественную реальность именно в эпосе. При этом, как следует из эстетических особенностей нартского эпоса, объективное бытие этноса – народа тесно связано с индивидуальным бытием отдельного, частного человека, конечно же, взятого в конкретике реальных обстоятельств его повседневной жизни. И это соотношение общего и частного, целого и части становится ведущим методологическим принципом в философско-этическом и художественно-эстетическом осмыслении бытия не только в нартском эпосе, но впоследствии и в осетинской литературе. В данной статье раскрывается, как этот принцип проявляет свои методологические возможности в осетинской литературе 60-80-х гг. XX в., причем в разных жанрах, в частности, в романе и в повести. Целью нашего исследования стало изучение углубленного художественно-эстетического осмысления осетинской литературой философских проблем национального бытия и обусловленного им сознания; проблем ведущих к значительным качественным изменениям в осетинской советской литературе, скажем, в жанровой структуре, в системе характерообразования, в поэтике.

Ключевые слова: осетинская литература, философия бытия, роман, повесть, герой и действительность, художественный характер.

Для цитирования: Фидарова Р.Я. Философия национального бытия в осмыслении осетинской литературы 60-80-х гг. XX в. // KAVKAZ-FORUM. 2024. Вып. 17(24). С. 36-46. DOI: 10.46698/VNC.2024.24.17.006

Введение

Итак, важнейшим качеством осетинской традиции философствования еще с древнейших времен стало то, что в ней этнонациональное бытие и обусловленное им сознание всегда осмыслились и оценивались с человеческой, гуманистической точки зрения.

Действительно, объективное этнонациональное бытие органично связано с бытием отдельного человека в конкретных обстоятельствах его реальной повседневной жизни. Еще художественно-эстетический опыт нартского эпоса показал, в какой степени бытие нартов, как народа, конкретного общества, зависит от индивидуального бытия его отдельных членов, героев эпоса, идеальных и неидеальных: Урузмага, Сослана, Батраза, Сатаны, Сырдона и др.

Такой подход получает статус методологического принципа в последующем и в осетинской литературе.

Философско-эстетический опыт эпоса в целом дает нам возможность обобщить осетинскую художественную традицию осмысления этнического бытия и сознания. Во-первых, бытие при этом, как живая субстанция, проявляется в определенных реалиях.

1. В каждой конкретной вещи реализован принцип материальности.
2. Каждая вещь имеет свою структуру и систему отношений и связи.
3. Каждая вещь подчиняется принципу причинности, т.е. имеет свое происхождение.
4. В процессе художественного познания истины через понятие «бытие» утверждаются позиции добра, красоты и свободы. Происходит это, конечно же, через осознание творческой активности бытия, идей ее диалектического развития в художественном мире произведения.

Позже в результате христианизации алан-осетин философское сознание их обогащается идеями и идеалами христианской культуры. И это также расширяет горизонты их представления о бытии как сущем. Далее в процессе исторического развития общества представления об этнонациональном бытии все более концептуализируются, «насыщая» такой феномен, как народная мудрость, т.е. предфилософию осетин, особым пониманием бытия и роли в нем отдельного, частного человека, а это существенно повышает аксиологическое значение осетинского фольклора, в т.ч. и эпоса.

Опыт осетинской традиции философствования, ярко отраженной еще в эстетике нартского эпоса, подтверждает положение Гегеля о том, что эволюция бытия и сознания в целом однотипна и проходит три этапа: сначала она представляет собой неопределенность и абстракцию. При этом и бытие, и сознание неразличимы, затем они конкретизируются, а значит и различаются, т.е. уже не совсем идентичны. Затем могут слиться уже на более высоком уровне своего качественного развития [1, 221].

В этом и заключается сущность диалектики бытия в процессе его развития и становления. И, конечно, гегелевская концепция эволюции бытия и сознания дает методологический ключ к анализу понятия «бытие» как базовой категории в эпосе нартов, да и позже в осетинской литературе, в частности, в осетинской советской литературе 60-80-х гг. XX в., т.е. периода, рассматриваемого нами в данном случае.

Основная часть

Итак, главной чертой осетинской литературы 60-80-х гг. XX в. является антропоцентризм. Именно антропоцентризм делает человека важнейшим предметом художественно-философского осмысления литературы, взятого в органических связях с окружающей средой, то есть рассматриваемого нами как часть целого – семьи, коллектива, общества, народа, нации, всего человечества. В этом смысле интересна мысль М.С. Кагана о том, что искусство, в т.ч. и литература, конечно, является единственной формой культуры, воссоздающей биосоциально культурную полноту человеческого существования и «живет по ее законам» [2, 19].

В повести Т. Джатиева «Пламя над Терекком» описываются страшные события Великой Отечественной войны. И описываются они с точки зрения одного из участников данных событий Габати Тахохова. Дело было в 1942 г., когда фашисты рвались к Бакинской нефти. Но защитники Владикавказа стояли насмерть, отстаивая этот прекрасный город. Героически сражались защитники Эльхотовских ворот, села Гизель, села Майрамадаг, города Моздока...

Прошло более двадцати пяти лет после тех ожесточенных кровопролитных боев, но память ветерана возвращает его к тем героическим дням. Помнит он хорошо подвиг разведчиков, вступивших в неравный бой с фашистами 1 сентября 1942 г. Помнит, как, наряду с русскими солдатами Дроздовым, Глушковым, грузином Циклаури, осетин Козаев отчаянно сражался за освобождение станицы Луковской. А в это время далеко на морских просторах уроженец Моздока, Герой Советского Союза Пантелеймон Цаллагов громил немецких оккупантов. Писатель показывает, как вели себя в те отчаянные дни разные люди, военные и штатские, русские и осетины, в т.ч. генерал Иван Тюленев, сотрудник обкома партии Хазби Черджиев, матрос Булычев, адмирал Пантелеймон Цаллагов и сотни тысячи других людей... Нелегкой ценой добывали они победу. И каждый из них внес огромный вклад в общее дело. И самое важное, что показали события тех страшных дней, что и Пантелеймон Цаллагов, и рядовой Козаев, и сотни других осетин, сражаясь на разных фронтах Великой Отечественной войны, проявили себя как настоящие сыновья осетинского народа. Они вписали в историю бытия народа свою страничку. А жизнь их, бессмертные подвиги отразили это целое – бытие народа, частицей которой они стали, благодаря своим поступкам, героизму, мужеству.

Конечно, победа далась нам тяжело, думает ветеран, и много потерь понесла наша героическая армия в те незабываемые дни. Только в боях под Эльхотово погибли несколько тысяч солдат и офицеров. Особенно взволновали старого уже Габати памятники семи братьям Газдановым у села Дзуарикау, пяти братьям Каллаговым у села Кадгарон, погибшим за свободу родины...

Старый ветеран знает, как много памятников героям высятся на городских и сельских кладбищах Осетии, как много сирот осталось в осетинских селах. Но заплатив такую страшную цену, герои наши доказали свое священное право считаться достойными сыновьями своего народа, сформировавшего за свою многовековую историю свой духовно-нравственный мир, куда входят кодекс жизни Агъдау, этническое мировоззрение Ирондзинад, в соответствии с которыми важнейшими идеалами бытия этноса-народа-нации являются мужество, гуманизм, свободолюбие, патриотизм, самоотверженность, готовность отдать жизнь за родину, если требуется... Они и составляют суть национального характера в трактовке осетинской литературы.

«Характер – образ человека в литературном произведении, очерченный с известной полнотой и индивидуальной определенностью, через который раскрываются как исторически определенный тип поведения (поступки, мысли, переживания, речь), так и присущая автору нравственно-эстетическая концепция человеческого существования. Художественный характер являет собой органическое единство общего, повторяющегося и индивидуального, неповторимого, объективного» [3, 482].

Следующей важнейшей чертой осетинской литературы 60-80-х гг. является своеобразие ее философско-эстетической трактовки человека как постоянно развивающегося, становящегося феномена. При этом учитываются и его индивидуально-психологические особенности, и духовно-нравственные установки.

По верному замечанию Н. Бердяева, «Личность есть неизменное в изменениях» [4, 214]. Видимо, поэтому и осетинская литература осмысляет человека как противоречивое единство противоположностей: природного и социального, общего и индивидуального, абстрактного и конкретного, национального и общечеловеческого. Конечно, в интерпретации осетинской литературы содержательная сущность человека определяется сутью и спецификой национального бытия на конкретном этапе социальной истории народа. Литература анализирует бытие народа с двух точек зрения на процесс его существования: как природный материальный мир и как внутренний, субъективно-психологический мир каждого отдельного человека. Так в процессе осмысления осетинской литературой 60-80-х гг. органично слиты жизнь отдельного человека и бытие общества, народа. То есть бытие народа и жизнь человека объединены в контексте

их органической причинно-следственной зависимости друг от друга, как целого и части.

...Народная жизнь, как широкая, полноводная река, течет неторопливо по своему пути, преодолевая все встретившиеся ей препятствия, все невзгоды и несчастья. В романе Г.Бицоева «Зеркало неба» описывается один небольшой эпизод народной жизни. Дело происходило в небольшом горном осетинском селе. Шла война, Великая Отечественная. Враг приближался к селу: над селом нависла угроза оккупации. И было решено угнать колхозное стадо по горному ущелью через трудный перевал в Грузию, чтобы спасти скот, сохранить его для будущей жизни сельчан. Мужчины Сабан, Зарабег, Гацыр, Бедза и единственная среди них женщина Ануси из всех сил стараются выполнить наказ своих сельчан: угнать скот и спасти колхозную собственность от надвигающегося врага. Каждый из героев, как представитель трудового народа, прошел нелегкие испытания в жизни и закалился. Сабан – боец Советской Армии, имеет большие награды, отличившись на фронте. Получив тяжелое ранение и поправившись в госпитале, вернулся домой и вот взялся выполнить столь ответственное и нелегкое задание – спасти колхозное стадо. Он понимает, что Джери, председателю колхоза, сейчас тоже не легче. Получив тяжелое ранение на фронте и не будучи способным к воинской службе, тот вернулся домой. Так хромым Джери, оказавшись в селе, возглавил колхоз, где оставались только старики, женщины и малолетние дети, резко повзрослевшие и заменившие ушедших на фронт отцов. Мужчин в селе не осталось вовсе. Ежегодно приходили в село похоронки, и всем необходима была помощь и поддержка. Как же ему должно быть тяжело, думал о нелегком положении Джери Сабан, ведь ему приходится ежедневно слышать плач овдовевших женщин, осиротевших детей, и при этом его святой долг – позаботиться о каждом человеке. Конечно, положение самого Сабана было не лучше, тем более что чувствовал он себя все хуже и хуже. А тут еще и враг следовал по пятам, день-два и догонит, а тогда все пропало, – сорвется задание, а ведь на их группу в селе так рассчитывали, надеялись... Сабан уверен, каждый человек несет колоссальную ответственность за себя, за других, за благополучие всего народа, страны. А потому каждый обязан, хотя бы ценой собственной жизни, оправдать доверие, оказанное ему. Он присматривается к своим спутникам, как бы оценивая каждого из них, стремясь понять, на что из них тот или другой способен в минуту крайней опасности. Вот Зарабег, потерявший в результате несчастного случая в горах всех близких ему людей. Похоронив семью, остался он совершенно одиноким человеком в мире. Можно было только представить, как много страданий перенес этот спокойный с виду человек, но не сдался: труд, тяжелый крестьянский труд в любую погоду, в любое время года спас его, вернул к жизни, к людям, к которым он начал относиться особенно бе-

режно и ласково. Научился радоваться любому проявлению теплоты во взаимоотношениях с окружающими его людьми. Как понял Сабан, Зарабег научился по-настоящему понимать и ценить людей, жизнь, свой нелегкий крестьянский труд, испытал столько горя.

В постижении этой истины в страданиях и заботах о других, еще понял Зарабег, – смысл человеческого бытия не только его, а и каждого живущего на земле.

Сабан присматривается и к Бедза, одному из чабанов, простому, малограмотному горцу. Психология Бедза – это психология вечного труженика. Бедза никак не может понять, что же заставило немцев, бросивших свой дом, идти грабить чужие. Может, они бедствуют? Иначе как можно объяснить их желание отобрать чужие земли, кусок хлеба, даже саму жизнь у другого человека? Как можно убить человека, обидеть ребенка, лишить его родителей? Как можно не радоваться проросшей траве, растущему хлебу?

По твердому убеждению Бедза, хлебороба и чабана, настоящему труженику никто и ничто не должно мешать. И немцы, увидев, какой он замечательный труженик, не тронут его. (Такова нормальная психология труженика, понимает Сабан). Но вот, проходя мимо многих горных сел за колхозным стадом, Бедза убедился, что фашисты не способны понять и оценить психологию труженика: они же – настоящие скоты, варвары, лишённые сердца, – так повлияло на него то, что чабаны видели на горных кладбищах свежие могилы тысяч молодых мужчин, солдат, погибших, защищая родину, родной очаг!..

Ануси же, искренне любящая Сабана, но не уверенная в том, что в столь ответственную, трагическую минуту для всего народа, имеет право на личное счастье, размышляет о Сабане, который, как ей кажется, относится к категории людей, заботящихся о других больше, чем о себе. Человек долго, огромного мужества и самоотверженности, он, как руководитель группы, готов поддержать и помочь каждому. Он же приложил все свои силы, чтобы успешно выполнить задание, спасти скот...

Писатель стремится показать, насколько типичны образы его героев, насколько верно и многогранно они раскрывают суть национального бытия в столь ответственный период, действительно, Отечественной войны, когда весь советский народ грудью встал на защиту родины. И эта гуманистическая суть национального бытия в романе раскрыта через глубинный философско-эстетический анализ психологии осетин и художественную концепцию человека и мира в нем, через многогранный анализ философии бытия советского народа, осмысленный как философия бытия осетин.

В романе Р. Тотрова «Любимые дети» философия народного бытия в неоднозначную эпоху 70-х гг. XX в. получает своеобразное художественное осмысление. То есть бытие анализируется так же через доминирующую

в произведении концепцию человека и действительности. Такое художественное решение философия национального бытия получает в романе, поскольку именно таким образом писателю удается полно и многогранно раскрыть социально-исторические и нравственно-этические тенденции эпохи, в частности, обогащение сознания и самосознания осетинского общества. Процесс этот, как художественно исследуется в романе, обусловлен концептуализацией представлений о бытии советского и, в частности, осетинского народа в 70-е гг. Писатель, стремясь составить художественную картину национального бытия, соотносит его с общечеловеческим бытием. При этом эпический характер романному повествованию придает тот факт, что автор, следуя традициям великого Толстого, пытается осмыслить и раскрыть сущность национального бытия через глубокий анализ духовного мира своих героев, отражающего высокую нравственность народной жизни, наполненную беспощадной борьбой доброго и злого начала.

Сюжет романа прост. В нем показаны два поколения, поколение отцов и детей. Трудные испытания пришлось перенести представителям поколения отцов. Нелегкую жизнь они прожили, что наложило свой отпечаток на характер, судьбу и мировоззрение этих людей. Словом, бытие народа в военную эпоху в полной мере сформировало сознание представителей поколения отцов. По происшествии многих лет выросло и вступило в жизнь поколение детей как ее активный творец – субъект. Произведение начинается с того, что Алану, одному из героев, снится мать. Задумавшись, она склоняется над любимым сыном Аланом и произносит свою, часто повторяемую ею наяду, фразу: «Не так я тебя воспитала! И потому виновата перед тобой». Мать, прожившая нелегкую жизнь, оберегала своего сына от всяческих невзгод и жизненных неурядиц. И теперь ей казалось, что он, как и многие его ровесники, вырос несерьезным, безответственным человеком. Мать гордилась тем, что в ее роду все были крестьяне. Она имела в виду, что они не только хлеб выращивали, но и были праведными, честными, ответственными людьми, вот, чем гордилась мать. Поколение же детей, как представлялось женщине, относится к жизни по-другому, стремясь прожить легко и весело. Как казалось матери, певец дом не построит, добра не наживет, семью не создаст. А эти формулы: «дом построить», «добра нажить», «семьей обзавестись» и др. – в народном сознании осетин отражают важнейшие в жизни ценности, реализация которых и составляет содержание и суть реальной жизненной программы каждого человека. Они же раскрывают эпически величавые, нравственно значимые идеалы народного бытия вообще. Так, в представлениях старшего поколения общее проявляется через особенное и частное, т.е. таким образом реализуется общечеловеческий смысл народного бытия.

Но, как показано в романе, поколение детей, духовных наследников

старших, на самом деле продолжает развивать и реализовывать идеалы поколения отцов. По-другому и быть не может. Алан родился, когда отец воевал на фронтах Великой Отечественной войны. Жизнь его, простого горца-земледельца, вся была отдана самоотверженному труду. И в мирное время, и в лихую военную годину он привык трудиться, не щадя себя. Жизнь его всегда была насыщена глубоким смыслом, любовью к людям, чувством долга, ответственности. И этого он требовал и от других. Прекрасно осознавая это духовное и душевное состояние своих старших, Алан и его сверстники, уже вступившие в жизнь и ставшие ее активными субъектами-творцами, продолжают следовать их традициям и идеалам...

Роман, анализируя диалектику хода народной жизни, утверждает свою истину, суть которой в том, что национальное бытие и бытие отдельного человека взаимообусловлены и пересекаются в единой ценностной точке: в понимании смысла жизни вообще, т.е. общества, народа, нации и каждого отдельного человека в индивидуальном измерении.

Попав в большой город и окончив успешно институт, Алан осознал, как значимость опыта жизни отцов, так и новые горизонты бытия поколения детей, новые масштабы ответственности и творчества, новое понимание мира, которое ему и его сверстникам придется существенно обогатить. И конечно же, вписать новую страницу в историю нового мира, а значит и породить новое отношение к миру, к частной своей жизни, к бытию вообще, перестроить жизнь общества в духе требований времени, эпохи.

Большую помощь в творческом процессе самореализации оказал ему нетленный опыт отцов, опыт жизни брата Чермена, который был его старше всего на десять лет. Когда отец ушел на фронт, Чермен взял на себя всю ответственность за семью, за мать и только родившегося Алана. Брат вырос не по годам серьезным, трудолюбивым. Потеряв отца, уже после войны, Чермен покинул школу, работал в колхозе, чтобы поддержать мать, малолетних Таймураза и Алана, не дать им погибнуть от голода, а потом дать братьям, которые успешно учились, высшее образование...

В романе в идее большого дома, которую всю жизнь вынашивал отец, дома, где есть место для всех, где живут все братья: Чермен, Алан, Таймураз, – отражена история этой отдельной семьи, каких много. И все они вместе выражают суть бытия народа, нации.

Идея большого дома, как отражение общей судьбы, бытия народа, – созрела у отца еще в годы войны, когда жизнь его могла оборваться в любую минуту. И что еще мог противопоставить этой жестокой реальности войны бедный горец, рядовой великой армии, привыкший всю жизнь честно трудиться не покладая рук? Так, понимал Алан, в отцовской идее большого дома заключен великий гуманистический смысл. А теперь, еще осознает герой, его черед развивать дальше отцовскую идею большого дома, где будет уютно и комфортно всем...

Так в романе раскрывается философия национального бытия в 70-е гг. XX в. и порожденного им сознания, общественного и индивидуального.

В осетинской литературе в процессе художественного исследования два момента проходят одновременно и в логической, причинно-следственной зависимости друг от друга. Это, с одной стороны, глубокий анализ целого, – общенародного национального бытия, т.е. событий огромного масштаба. И с другой – всестороннее социально-психологическое исследование духовно-нравственного самочувствия отдельного человека как части целого, т.е. народа, участника грандиозных исторических событий.

Отсюда логически следует, что одним из характерообразующих принципов в осетинской литературе становится принцип соотношения частной судьбы с судьбами народа. Суть же художественного конфликта в произведениях разных жанров формируется через противостояние, – порой серьезного, значительного, – разных героев, реализуя конкретное проявление диалектического закона единства и борьбы противоположностей. Так осетинская литература 60-80-х гг. глубинно анализирует и раскрывает суть социальных процессов бытия осетинского общества.

Заключение

Словом, осетинская литература 60-80-х гг. ярко показала, что «мир человека – это мир ценностей». При этом она открыла, что «ценности – это то, что дорого для человека, то, что имеет для него значение. Ценности – значимые для человека объекты (материальные и идеальные). Так что в широком смысле слова ценностями называется обобщение, устойчивые представления о чем-то как предпочитаемом, как о благе, т.е. о том, что отвечает каким-то потребностям, интересам, намерениям, целям, планам человека (или группы людей, общества)» [5, 73].

Такова вкратце суть философии национального бытия и своеобразие ее художественно-эстетического отражения в осетинской литературе 60-80-х гг. XX в.

-
1. Гегель Г. Философия права. М.: Мысль. 1990. 524 с.
 2. Каган М. Человеческий фактор развития общества и общественный фактор развития человека // Вопросы философии. 1987. №10. С. 15–26.
 3. Тюпа В. Характер // Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия. 1987. С. 481–482.
 4. Бердяев Н. О назначении человека. М.: Республика. 1993. 382 с.
 5. Елканов К. Художественно-философское осмысление проблем человека в осетинской прозе 60-80-х годов XX в. Владикавказ: Изд-во СОГПИ. 2010. 142 с.

PHILOSOPHY OF NATIONAL EXISTENCE IN UNDERSTANDING OSSETIAN LITERATURE OF THE 60-s-80-s OF THE XXth CENTURY.

Fidarova, Rima Ya. – Doctor of Philology, Chief Researcher, Department of Folklore and Literature, V. I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Center of the RAS (Vladikavkaz, Russia); <https://orcid.org/0000-0002-0996-3896>; rfidarova@mail.ru

Keywords: *Ossetian literature, philosophy of existence, novel, story, hero and reality, artistic character.*

The most fundamental category in the philosophical, artistic and cultural consciousness of the Ossetians and their ancestors was and remains the category of ethnonational existence. In the Ossetian tradition of philosophizing, since the era of primitiveness, the understanding of being as a phenomenon located in a constantly evolving process of movement and formation has been established. And, of course, the artistic and cultural consciousness of the Ossetians and their ancestors reflected the very existence of the ethnos-people-nation, and the process of its constant, stably repeating movement and formation. Thoughts and the origin of being appeared in the Nart epic, in particular, in the legend about how the Narts originated. Thus, for the first time in the epic, the ideas of the Ossetians and their ancestors about being, about the existence of man and the world, received artistic embodiment. In a word, thus, thoughts about being turned from abstraction into artistic reality precisely in the epic. At the same time, as follows from the aesthetic features of the Nart epic, the objective existence of an ethnos - a people - is closely connected with the individual existence of an individual, private person, of course, taken in the specifics of the real circumstances of his everyday life. And this relationship between the general and the particular, the whole and the part becomes the leading methodological principle in the philosophical-ethical and artistic-aesthetic understanding of existence not only in the Nart epic, but subsequently in Ossetian literature. This article reveals how this principle manifests its methodological capabilities in Ossetian literature of the 60-s-80-s of the XXth century, and in different genres, in particular, in the novel and in the story. The purpose of our research was to study the in-depth artistic and aesthetic understanding by Ossetian literature of the philosophical problems of national existence and the consciousness determined by it; problems leading to significant qualitative changes in Ossetian Soviet literature, say, in the genre structure, in the system of character formation, in poetics.

For citation: Fidarova, R.Ya. Philosophy of national existence in understanding Ossetian literature 60-80s of the twentieth century. KAVKAZ-FORUM. 2024, iss. 17(24), pp. 36-46. (In Russian). DOI: 10.46698/VNC.2024.24.17.006

REFERENCES

1. Gegel', G. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Moscow, Mysl'. 1990. 524 p.
2. Kagan, M. *Chelovecheskii faktor razvitiya obshchestva i obshchestvennyi faktor razvitiya cheloveka* [Human factor in the development of society and the

social factor in human development]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. 1987, no. 10, pp. 15–26.

3. Тупа, В. *Kharakter* [Character]. *Literaturnyi entsiklopedicheskii slovar'* [Literary encyclopedic dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya. 1987, pp. 481–482.

4. Berdyaev, N. *O naznachenii cheloveka* [On the purpose of a person]. Moscow, Respublika. 1993. 382 p.

5. Elkanov, K. *Khudozhestvenno-filosofskoe osmyslenie problem cheloveka v osetinskoj proze 60-80-kh godov XX v.* [Artistic and philosophical understanding of human problems in Ossetian prose of the 60-80s of the twentieth century]. Vladikavkaz, North Ossetian State Pedagogical Institute. 2010. 142 p.